

Цветы хаги как наиболее распространенное название растений в древней японской поэзии

О. Г. Егорова¹, Т. В. Тумакова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹o.g.egorova@linguanet.ru

²fedotova.tv@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – проанализировать поэтический образ цветов хаги в древней японской поэзии. В статье на материале японской поэтической антологии «Манъёсю» раскрывается символическая вариативность образа цветов хаги, определяется его место и роль в древней японской поэзии. Результаты исследования: проведенный анализ показал, что эти цветы в древней поэзии выступали не только в качестве символа осени и сигнала о наступлении периода сбора урожая, но и использовались как метафора молодой девушки, возлюбленной и жены. В качестве дополнения к поэтическому образу хаги могли использоваться также образы оленя, росы, осеннего ветра, гусей и т. п. Кроме того, хаги упоминали при обозначении осени или осенней листвы, например, сирахаги или хаги-но момити.

Ключевые слова: цветы хаги, японский клевер, «Манъёсю», японская поэзия, образ

Для цитирования: Егорова О. Г., Тумакова Т. В. Цветы хаги как наиболее распространенное название растений в древней японской поэзии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 2 (896). С. 119–125.

Original article

Hagi Flowers as the Most Common Plant Name in Ancient Japanese Poetry

Olga G. Egorova¹, Tatiana V. Tumakova²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹o.g.egorova@linguanet.ru

²fedotova.tv@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to analyze the poetic image of *hagi* flowers in ancient Japanese poetry. The article, based on the first Japanese poetry anthology “Man’yōshū”, reveals the symbolic variability of the *hagi* flower image and defines its place and role in ancient Japanese poetry. Research results: the analysis showed that this image in ancient poetry not only served as a symbol of autumn and a signal of the onset of the harvest season, but was also used as a metaphor for a young girl, a lover, and a wife. Images of a deer, dew, autumn wind, geese, etc. could also be used as words complementing the poetic image of *hagi*. In addition, the word “hagi” could be part of such expressions as, for example, “shirahagi” and “hagi-no momichi”, meaning autumn and autumn foliage.

Keywords: hagi flowers, Japanese clover, the Man’yōshū, Japanese poetry, image

For citation: Egorova, O. G., Tumakova, T. V. (2025). Hagi flowers as the most common plant name in ancient Japanese poetry. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 2(896), 119–125. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Японский архипелаг благодаря своему географическому расположению и значительной протяженности с севера на юг отличается большим разнообразием климата и растительности. Известно, что на территории Японии произрастает несколько тысяч видов растений. Такое изобилие флоры способствовало тому, что тема растительного мира стала занимать важное место в японской культуре. Известный российский японовед доктор исторических наук А. Н. Мещеряков определяет ее как фитонимическую, так как «...Япония – это страна земледельцев, а не скотоводов» [Мещеряков, 2004, с. 45].

Особенно широко тема природы представлена в японской литературе. В японском языке даже существует специальный термин «катё:фу:гэцу» (яп. 花鳥風月), где иероглиф *ка* – цветы, *тё*: указывает на птиц, *фу*: подразумевает ветер, *гэцу* – луну. Этот термин указывает на основные мотивы в литературе, имеющие отношение к природе. При этом стоит отметить, что цветы в данной фразе занимают первое место. Действительно, древние и средневековые японские писатели и поэты часто обращались к описанию растительного мира. Так, например, в известном романе «Повесть о Гэндзи» (яп. 源氏物語) средневековой писательницы Мурасаки Сикибу (вторая половина X в. – первая половина XI в.) упоминается 101 вид растений [The Kodansha bilingual encyclopedia of Japan, 1998].

Весьма часто можно встретить самые разнообразные названия цветов и растений в японской поэзии. По подсчетам японского исследователя Юкицуна Сасаки, примерно в одной трети песен первой японской поэтической антологии VIII века «Манъёсю» (яп. 万葉集, «Манъё:сю» – «Собрание myriad листьев») говорится о цветах и растениях. При этом лидирующие позиции по частотности употребления занимают так называемые цветы хаги, порядка 140 песен древнего памятника содержат упоминания об этом растении [Сасаки, 2016].

Исходя из вышесказанного, авторы статьи ставят целью проанализировать поэтический образ хаги в древней японской поэзии. Цель исследования определила следующие задачи:

- 1) выявить смысловую нагрузку данного образа в древней японской поэзии;
- 2) рассмотреть символические значения и особенности употребления слов и специальных поэтических выражений, имеющих отношение к данному образу.
- 3) определить место и роль образа хаги в древней японской поэзии.

В качестве основных методов исследования были выбраны:

- описательный метод, который был направлен на сбор информации об образе цветов хаги и ее систематизацию, а также на описание отличительных особенностей данного образа;
- культурно-исторический метод, который позволил проследить связь образа хаги и его символики с социокультурной средой и традициями древних японцев.

Актуальность выбранной темы: несмотря на то, что образ цветов хаги получил широкое распространение в древней японской поэзии, многие вопросы, связанные с его символикой и особенностями употребления, до сих пор остаются недостаточно освещенными в отечественном литературоведении.

Научная новизна исследования заключается в систематизации имеющегося материала, касающегося образа цветов хаги, а также попытке углубить понимание смыслов данного образа и его использования в древней японской поэзии.

Практическая ценность работы: основные положения статьи могут быть использованы для дальнейших исследований в данной области.

ЦВЕТЫ ХАГИ –
ПОЭТИЧЕСКИЙ СИМВОЛ ОСЕНИ

Согласно «Большому японско-русскому словарю» под редакцией Н. И. Конрада, хаги (яп. 萩) – это декоративный полукустарник, известный как леспедеца двуцветная (*Lespedeza bicolor Turcz. var. japonica Nakai*) [Большой японско-русский словарь, 1999, с. 409]. В народе это растение также называют японским клевером. Хаги можно встретить на всей территории Японии. Это мелкие цветы белого или красно-фиолетового цвета. Хаги цветет примерно с августа по октябрь, поэтому его считают осенним растением. Одно из самых известных стихотворений, в котором упоминаются хаги как символ осеннего сезона, принадлежит японскому поэту Яmanoуэ-но Окура (также Яmanoэ Окура, 660–733?). В данной песне (№ 1538) автор перечислил семь самых главных трав осени:

芽之花
乎花葛花
瞿麦之花
姫部志
又藤袴
朝兒之花

萩の花
尾花葛花
なでこの花
をみなへし
また藤袴
朝顔の花

Хаги-но хана,
Обана, кудзубана,
Надэсико-но хана,
Оминаэси,

Дальше фудзибакама,
Асагао-но хана¹.

Само слово *хаги* в древней японской поэзии часто употребляется со словом *осень* – *аки* (яп. 秋), которое выступает в роли определения. Вот как использовал это словосочетание поэт Каса Канамура (первая половина VIII в.) в ответной песне № 231 к плачу на смерть принца Сики:

高圓之
野邊乃秋芽子
徒
開香將散
見人無尔

高円の
野辺の秋萩
いたづらに
咲きか散るらむ
見る人なしに

Осенний хаги, что растешь в полях
У Такамато-гор, сверкая красотой,
Напрасно будешь ты
Цвести и опадать –
Ведь некому тобою любоваться!

Полукустарник хаги издавна имел важное значение для японцев. Дело в том, что цветение японского клевера совпадало с периодом сбора риса и других злаковых растений, поэтому пышные цветы хаги являлись сигналом о том, что наступило время жатвы. Особое отношение к цветам хаги было и у поэта Какиномото Хитомаро (вторая половина VII в. – начало VIII в.). Его цикл песен о цветах («Поют о цветах», песни № 2094–2127), представленный в антологии «Манъёсю», начинается как раз со стихотворений, посвященных этому растению. Среди 34 песен поэта об осенних цветах 32 из них посвящены хаги. В одной из них (в песне № 2117) находим описание японского клевера и упоминание о сборе риса:

孀等尔
行相乃速稲乎
蒔時
成来下
芽子花咲

娘等らに
行相の早稲を
刈る時に
なりにけらしも
萩の花咲く

Как девушки, сменяясь меж собой,
На смену лета осень к нам приходит,
И рис в полях снимают молодой,
Как видно, сроки жатвы наступили:
Цветы осенних хаги расцвели.

ЦВЕТЫ ХАГИ – МЕТАФОРА ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Современное иероглифическое написание слова *хаги* (яп. 萩) вошло в употребление достаточно поздно. В оригинальных текстах песен «Манъёсю»

данное название записывалось иероглифами 芽, или 芽子. Сочетание знаков 芽子 по-японски также можно прочесть как «мэко», что созвучно со словами «жена и ребенок» (яп. 妻子). В связи с этим цветы хаги в поэзии часто уподобляли девушке, возлюбленной или жене. В этой связи рассмотрим две песни антологии «Манъёсю» (песни № 1364 и № 1365), в которых цветы хаги предстают в виде метафоры юной девушки.

欲見
戀管待之
秋芽子者
花耳開而
不成可毛將

見まく欲り
恋ひつつ待ちし
秋萩は
花のみ咲きて
ならずかもあらむ

Осеннее дерево хаги,
Которым хотел любоваться,
Плодов от которого долго, любя, ожидал,
Цветет до сих пор лишь одними цветами,
Еще не приносит плодов...

吾妹子之
屋前之秋芽子
自花者
實成而許曾
戀益家礼聞

我妹子が
やどの秋萩
花よりは
実になりてこそ
恋ひまさりけれ

Осенний хаги, что растет у дома,
Где дева милая моя живет,
Когда пора плодам,
Любовь к нему сильнее,
Чем в те часы, когда цветы цветут!

Согласно комментариям А. Е. Глускиной, цветы хаги в данных песнях указывают на период до брака и, таким образом, символизируют очень юную девушку, возлюбленную. Плоды этого растения обозначают время после брака, и поэтому в песнях создают образ совершеннолетней девушки, готовой к замужеству [Манъёсю ... 1971]. Так, хотя в первой песне и не сказано напрямую о девушке, но благодаря использованию автором образа цветов хаги становится понятно, что юноша, питая нежные чувства к молодой особе, рассчитывал на ее расположение, но она по-прежнему не с ним. Во второй песне молодой человек рассказывает о своих пылких чувствах к возлюбленной, которые со временем стали только сильнее.

Интересно, что бутоны хаги являются лакомством для оленей и привлекают этих животных. А призывной крик, который издают самцы в осенний период, по-видимому, также расценивался и как зов, адресованный хаги, поэтому в древних песнях данные растения нередко представляли в виде метафоры «жены оленя» (яп. 鹿の妻, сика-но

¹Здесь и далее примеры приводятся по: Манъёсю («Собрание миряда листьев»): в 3 т. Т. 1–2 / пер. с яп., вступ. ст. и комм. А. Е. Глускиной. М.: Наука, 1971.

цума) и использовались в качестве парного с ним образа. Вот как начинается песня № 1790:

К этому же приему прибегал в своем творчестве и поэт Какиномото Хитомаро:

秋芽子乎
妻問鹿許曾
一子二...

秋萩を
妻どふ鹿こそ
独り子に...

Говорят, в горах олень,
Тот, что сватает себе
Хаги нежные цветы,
Сына одного родит...

В качестве примера приведем одну из его песен (№ 2098):

奥山尔
住云男鹿之
初夜不去
妻問芽子乃
散久惜裳

奥山に
棲むといふ鹿の
夕さらず
妻どふ萩の
散らまく惜しも

Как жаль, что опадают хаги,
Что, как жену, приходит навещать,
Не пропуская ни единой ночи,
Тоскующий олень осенью порой,
Который, говорят, живет в ущельях горных...

Ассоциативная связь между хаги и оленем настолько сильна, что японцы даже называют японский клевер «оленьей травой» – рокумэй-со; или сикамэгуса (яп. 鹿鳴草) [山口明穂, 鈴木日出男, 2008, с. 407].

Кроме того, в японской культуре существует миф, описывающий оленя в контексте плодородия. Согласно данному мифу, богиня Тамацухимэ поймала оленя и на его крови посеяла рис, который взошел уже на следующий день [прив. по: Мещеряков, 2004, с. 135]. Как видно, олень, так же как и цветы хаги, не только является так называемым «сезонным словом», указывающим на осень, но и соотносится с урожайностью и плодovitостью.

СЛОВА, ДОПОЛНЯЮЩИЕ ПОЭТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЦВЕТОВ ХАГИ

Иногда поэты «Манъёсю» для создания атмосферы осеннего пейзажа в своих песнях дополняли вышеописанные два образа еще одним – образом росы (яп. 露, цю) (песня № 1598):

棹壮鹿之
朝立野邊乃
秋芽子尔
玉跡見左右
置有白露

さを鹿の
朝立つ野辺の
秋萩に
玉と見るまで
置ける白露

На лепестках осенних хаги в поле,
Куда выходит по утрам олень,
На лепестках
Сверкает яшмой дорожкой
С небес упавшая прозрачная роса...

Помимо этого, для усиления осеннего настроения в древних песнях вместе со словом *хаги* могли использоваться и такие, как осенний ветер (яп. 秋風, акикадэ / сю:фу:), дикий гусь (яп. 雁, кари), луна (яп. 月, цуки) и др.

Упоминание о ветре или гусях в древней японской поэзии, с одной стороны, могло означать начало цветения хаги, с другой – указывало на то, что цветы японского клевера уже начинают отцветать и опадать. Например, в песне № 2102 говорится о том, что ветер уже переменялся, а это значит, что пришло время любоваться хаги:

此暮
秋風吹奴
白露尔
荒争芽子之
明日将咲見

この夕
秋風吹きぬ
白露に
争ふ萩の
明日咲かむ見む

Сегодня вечером
Подул осенний ветер,
И, значит, завтра увидать смогу,
Как расцветет осенний нежный хаги,
Опередивший светлую росу.

А в песне № 2121 повествуется о том, что с ухудшением погоды и усилением ветра подходит к концу пора цветения хаги, и его цветы могут осыпаться в любую минуту:

秋風者
日異吹奴
高圓之
野邊之秋芽子
散卷惜裳

秋風は
日に異に吹きぬ
高円の
野辺の秋萩
散らまく惜しも

Осенний ветер с каждым днем сильней...
Суровыми его порывы стали.
И будет жаль, коль в Такамато вдруг
В полях осыплются
Цветы осенних хаги.

Похожие значения принимает и образ диких гусей, крик которых в песне № 2276 стал сигналом для хаги о том, что пришло время расцветать:

鴈鳴之
始音聞而
開出有
屋前之秋芽子
見来吾世古

雁がねの
初声聞きて
咲き出たる宿の秋萩
見に来我が背子

Услышав первый крик
Вернувшихся гусей,
Расцвел у дома моего
Осенний хаги.
Приди, мой друг, полюбоваться на него!

Однако в песне № 2126 мы видим, что те же самые гуси предстают в виде вестников окончания сезона цветения хаги:

秋芽子者 於鴈不相當 言有者香 [一云言有可聞] 音乎聞而者 花尔散去流	秋萩は 雁に逢はじと 言へればか [一云言へれかも] 声を聞きては 花に散りぬる
---	---

Не оттого ли говорят всегда,
Что будто бы цветам осенних хаги
С гусями дикими встречаться не судьба. –
Лишь стоит им вдали гусей услышать крики,
Как наземь опадают лепестки...

Также вместе со словом *хаги* в песнях «Манъёсю» могло употребляться и слово *месяц* / *луна* (яп. 月, цуки). Наличие ассоциативной связи между двумя этими словами, по-видимому, могло быть обусловлено тем, что раньше в Японии 8-й месяц по лунному календарю также назывался хагидзуки (букв. 'месяц хаги'), поэтому упоминание двух этих слов в поэзии сразу же указывало на определенный временной период [復本一郎, 2004, с. 309]. В качестве примера приведем две песни, в первой из которых (в песне № 1560) слово *цуки* обозначает календарный месяц, а во второй (в песне № 2228) – луну:

妹目乎 始見之崎乃 秋芽子者 此月其呂波 落許須莫湯目	妹が目を 始見の崎の 秋萩は この月ごろは 散りこすなゆめ
---	---

Глаза любимой вижу я впервые...
«Впервые вижу» высится здесь мыс,
На нем осенний хаги вырос, –
Пускай же этот месяц он
Еще цветет, не облетев на землю!

芽子之花 開乃乎再入緒 見代跡可聞 月夜之清 戀益良國	萩の花 咲きのををりを 見よとかも 月夜の清き 恋まさらくに
---	--

Прозрачный свет сияющей луны,
Как будто говорит: «Взгляни,
Как пышно расцвели

Цветы осенних хаги».
И всё сильнее к ним моя любовь!

ЦВЕТОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХАГИ В ДРЕВНЕЙ ЯПОНСКОЙ ПОЭЗИИ

Среди цветковых обозначений хаги в песнях антологии «Манъёсю» можно встретить такие выражения, как *сирахаги* – букв. 'белые хаги' (яп. 白芽子 / 白萩); а также *хаги-но момити* – букв. 'желтые листья хаги' (яп. 萩の黄葉).

Первое выражение в японской поэзии не всегда обозначало цвет растения. В песнях «Манъёсю» оно, как правило, символизировало осень и читалось как «акихаги» – «осенние хаги». Дело в том, что, согласно учению о «Пяти периодических элементах», осеннему сезону соответствуют: элемент – металл; сторона света – запад, а цвет – белый [Ермаков, 2003]. В японском языке даже есть альтернативное название осени – *хакусю*: (яп. 白秋 – букв. 'белая осень'), в состав которого входит иероглиф «белый» и иероглиф «осень» [復本一郎, 2004]. Таким образом, получается, что слово *сиро* в песнях указывало не на цвет, а на сезон года. Например, в одной из песен, посвященных празднику Танабата, (песне № 2014) читаем:

吾等待之 白芽子開奴 今谷毛 尔寶比尔往奈 越方人邇	我が待ちし 秋萩咲きぬ 今だにも にほひに行かな 彼方人に
--	---

Осенний хаги, чей расцвет я ждал,
Уже зацвёл,
Хотя бы нынче
Окрасить платье мне и в нём пойти к тебе,
К возлюбленной далёкой и любимой!

Второе выражение *хаги-но момити* / *момидзи* (яп. 萩の黄葉) означает осеннюю листву хаги. С середины осени нижние листья японского клевера постепенно начинают желтеть, поэтому ими в древности также любовались, как и осенними листьями клена (яп. 紅葉, момидзи). При переводе на русский язык для обозначения осенних листьев хаги могли использоваться совершенно разные цвета, например, в песне № 2215 упоминается пурпурный:

左夜深而 四具礼勿零 秋芽子之 本葉之黄葉 落卷惜裳	さ夜更けて しぐれな降りそ 秋萩の 本葉の黄葉 散らまく惜しも
--	---

Когда настанет ночь,
Не лей здесь, дождь, не надо!

Так будет жаль, когда вдруг облетит
 Листва пурпурная
 Осенних хаги.

В песне № 1575 поэта Отомо Якамоти (717?–785) то же самое словосочетание было переведено на русский язык как алая листва:

雲上ル
 鳴都流鴈乃
 寒苗
 芽子乃下葉者
 黄變可毛

雲の上に
 鳴きつる雁の
 寒きなへ
 萩の下葉は
 もみちぬるかも

С печальным криком гуси пролетают
 В далеком небе выше облаков
 И холод в криках тех...
 Стволы осенних хаги
 Внизу покрылись алою листвою!

Иногда в песнях «Манъёсю» на изменение цвета листьев хаги в осенний период могло указывать выражение *иродзуки* от глагола *иродзуку* (яп. 色づく – букв. ‘менять цвет; созревать’). В качестве примера приведем песню № 2204, в русском варианте которой говорится, что листва хаги «засверкала ярко-алым цветом»:

秋風之
 日異吹者
 露重
 芽子之下葉者
 色付来

秋風の
 日に異に吹けば
 露を重み
 萩の下葉は
 色づきにけり

Ах, оттого, что с каждым, с каждым днем
 Осенний ветер дует всё сильнее,
 Густым покровом выпала роса,
 И потому вся нижняя листва осенних хаги
 Засверкала алым цветом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, проанализировав древние песни антологии «Манъёсю», можно сделать вывод, что цветы

хаги – самый распространенный растительный образ в древней японской поэзии. Согласно исследованиям Ю. Сасаки, по количеству упоминаний данный образ даже превосходит такой часто встречаемый поэтический образ, как образ сливы (яп. 梅, умэ). Так, название *хаги* встречается более чем в 140 песнях, а *умэ* примерно в 120 песнях [Сасаки, 2016].

Особое внимание к цветам хаги было обусловлено в первую очередь тем, что данное растение ассоциировалось у древних японцев с таким важным периодом в сельском хозяйстве, как осень. Более того, японский клевер являлся неким ориентиром на начало сбора урожая. В древней поэзии сохранилось немало употреблений образа хаги именно в этих значениях.

Наряду с этим нежные цветы хаги нередко представляли в поэзии в виде метафоры юной девушки, как правило, возлюбленной или жены. Больше всего стихотворений, где хаги встречается в этом значении, описывая любовную тоску оленя по своей возлюбленной. Эти два символа являлись парными сезонными образами (образами осени).

Кроме того, поэтический образ хаги как символ осени мог усиливаться благодаря упоминаниям таких сезонных слов, как роса, осенний ветер, гуси, луна и др.

Говоря о цветовых характеристиках образа хаги, следует подчеркнуть, что в древней поэзии нет описаний конкретных цветов данного растения. На сезонные изменения окраски листвы *хаги* указывали только выражения *хаги-но момити* и *иродзуки*, которые не подразумевали конкретного цвета, поэтому на русский язык они могли переводиться по-разному.

В песнях «Манъёсю» можно встретить только одно словосочетание, содержащее в своем составе иероглиф «белый», – 白萩 (букв. ‘белые хаги’). Однако и оно в древней поэзии указывало не на цвет, а на сезон и имело прочтение «акихаги», что в переводе означало – «осенние хаги».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2004.
2. The Kodansha bilingual encyclopedia of Japan / Ed. by K. Omura. Tokyo: Kodansha International; New York: Kodansha America, 1998.
3. Сасаки Ю. Времена года в Японии. Путешествие в цветочный рай. Манъёсю: гирлянда из цветов // Нипоника. 2016. № 19. С. 18–19.
4. Большой японско-русский словарь: в 2 т. Т. 2. / под ред. Н. И. Конрада. М.: Живой язык, 1999.
5. 山口明穂、鈴木日出男。王朝文化辞典:万葉から江戸まで。東京、2008 = Ямагути Акихо, Судзуки Хидэо. Словарь японской культуры: от Манъёсю до Эдо. Токио, 2008.

6. 復本一郎. 季節の言葉辞書: 四季別・50音順. 東京、2004 = Фукумото Итиро. Словарь сезонных слов: по сезонам, в алфавитном порядке. Токио, 2004.
7. Ермаков М. Е. Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики. СПб.: Азбука-классика, Петербургское востоковедение, 2003.

REFERENCES

1. Meshcheryakov, A. N. (2004). Kniga yaponskikh simbolov. Kniga yaponskikh obyknovenii = The book of Japanese symbols. The book of Japanese customs. Moscow: Natalis. (In Russ.)
2. Omura, K. (Ed.). (1998). The Kodansha bilingual encyclopedia of Japan. Tokyo: Kodansha International; New York: Kodansha America.
3. Sasaki, Yu. (2016). Vremena goda v Yaponii. Puteshestvie v tsvetochnyi rai. Man'yosyu: girlyanda iz tsvetov = Japan in four seasons. Journeys to floral paradise. Man'yoshu: a garland of flowers. Niponica. 19, 18–19. (In Russ.)
4. Konrad, N. I. (Ed.). (1999). Bol'shoi yaponsko-russkii slovar' = Full Japanese-Russian dictionary (vol. 2): in 2 vols. Moscow: Zhivoi yazyk. (In Russ.)
5. 山口明穂、鈴木日出男. 王朝文化辞典: 万葉から江戸まで. 東京、2008 = Yamaguchi Akiho, Suzuki Hideo (2008). Dictionary of imperial culture: from Man'yō to Edo.
6. 復本一郎. 季節の言葉辞書: 四季別・50音順. 東京、2004 = Fukumoto Ichiro (2004). Dictionary of seasonal words: seasonally, alphabetically. Tokyo.
7. Ermakov, M. E. (2003). Magiya Kitaya. Vvedenie v traditsionnye nauki i praktiki = Magic in China. Introduction to traditional sciences and practices. St.Petersburg: Azbuka-klassika, Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Егорова Ольга Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета

Тумакова Татьяна Владиславовна

соискатель кафедры отечественной и зарубежной литературы
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Egorova Olga Gennadevna

Doctor of Sciences (Philology), Professor
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Moscow State Linguistic University

Tumakova Tatiana Vladislavovna

Postgraduate at the department of Russian and Foreign Literature
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.10.2024
22.11.2024
27.12.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication